

Для сведения Евгения Евтушенко

Оригинал - 15550 - 19-18 дек - с. 19

12 декабря телепередача «Поэт в России — больше чем поэт» будет посвящена Павлу Антокольскому. Хочется надеяться, что, рассказывая о его жизни и творчестве, Евгений Евтушенко исправит ошибку, допущенную им в «Строфах века».

Дело в том, что среди газетных статей, напечатанных к столетию со дня рождения Павла Антокольского, которое отмечалось минувшим летом, я выделил бы две: С. Лесневского («Я, современник стольких катастроф...» — «Литературная газета», 3 июля с.г.) и В. Приходько («Пепел из трубки» — «Московская правда», 2 июля с.г.). Обе они написаны, на мой взгляд, темпераментно, компетентно, достойно своей темы.

Оба автора, как и следовало ожидать, не обошли своим вниманием стихотворение Антокольского «Последний», написанное в 1919 году. Оно — о российском царе Николае Втором. В обеих статьях было процитировано одно и то же место из этого стихотворения. Но вот что сразу бросилось в глаза: процитированные строки оказались неидентичными.

В «Последнем» не забыты и Ходынка, и Цусима, но в то же время стихотворение проникнуто острым ощущением трагедии, постигшей царскую семью. Оно заканчивается воображаемым разговором казненных царя Николая и его наследника Алексея.

У С. Лесневского:

Отец! Мы не умерли? Где мы? —

В России.

Мы скоро приедем, Алеша.

У В. Приходько:

Отец! Мы доехали? Где мы? — в России.

Мы в землю зарыты, Алеша.

Надо ли доказывать, что первый вариант, прошу прощения, попросту лишен смысла, а второй — глубоко и горько трагичен.

Как могло возникнуть такое разночтение? В чем дело?

А в том, что С. Лесневский доверился тексту, опубликованному в антологии Евгения Евтушенко «Строфы века», а В. Приходько привел последний прижизненный текст, напечатанный в первом томе Собрания сочинений Антокольского (1971), в «Библиотеке поэта» (1982) и в двухтомнике 1985—1986 годов. «Строфы века» пренебрегли правилом, согласно которому, переиздавая сочинения покойного писателя, следует руководствоваться текстом последнего прижизненного издания его произведений. Отступления допустимы лишь при особых обстоятельствах, но это не тот случай.

Цензура не раз покушалась на последние строки «Последнего». Антокольскому приходилось идти на уступки. В однотомнике 1934 года строки, процитированные В. Приходько, были просто-напросто сняты цензором. Строфа повисла в воздухе. Но уже в 1966 году, перепечатывая это стихотворение, Антокольский восстановил единственно законную редакцию. Кто знает, может быть, из-за этих двух последних строк стихотворение и писалось. Окончательно утвердив свою авторскую волю, поэт сделал это вовсе не для того, чтобы после его смерти она вновь нарушалась. И не каким-нибудь трусливым цензором, а отважным автором такого издания, как «Строфы века».

Лев ЛЕВИН